

ЗОКИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА. *Зоки* (самоназв. *зок*) – историко-этнографическая (субэтническая) группа армян, традиционно проживавших до начала 90-х гг. XX в. на территории Араксской области в уезде Гохтн (Голтн в древних источниках). Материал, посвященный традиционной культуре зок, предоставлен молодыми информантами, которые являются энтузиастами и любителями своей родной истории и культуры. Временные рамки, к которым относятся данные сведения, определяются с 1910-х гг. вплоть до 1970-х гг. Традиционная культура зок, будучи самобытной, в то же время по своим основным компонентам относится к общеармянскому культурному массиву. Устойчивые представления зок и остального армянского населения об их еврейском происхождении дают право считать зок *стигматизированной группой*. На современном этапе большая часть зок, которая проживает в городах России (например, в Санкт-Петербурге) придерживается либо местных русских традиций, либо общеармянских.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. История Гохтна уходит своими корнями в глубокую древность, поскольку является одной из исторических областей формирования армянского народа. Находящиеся там города располагались на пересечении торговых путей, что повлияло на их экономический и политический рост. *Зоки* исповедуют христианство армяно-григорианского толка. Как уже отмечалось, по мнению известного арменоведа К. Патканова, эта группа получила прозвище «зок» за особенность своего диалекта, который по некоторым показателям является одной из древних форм восточного варианта армянского языка¹. В литературном источнике конца XIX в. по истории Араксской области делается предположение о неармянском происхождении зок, «которые приняли язык богослужения и религию у армян»². Отличались они от остальных армян и по антропологическому типу, поскольку были голубоглазыми и светловолосыми³. *Зоки* идентифицируют себя с армянским этносом, но среди остального армянского населения принято считать их «армянскими евреями». Историческую связь древнееврейского и древнеармянского народов подтверждают свидетельства об Армении в Ветхом Завете, которая упоминается под названием, не встречающемся более ни в каком другом историческом источнике Передней Азии, а именно: «Тогарма» или «дом Тогармы» (Быт., 10, 3; Иезек., 27, 14, 38, 6). Потомки еврейских пленников, увезенных из Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором II (VI в. до н. э.), в большом числе проживали в прилегающих к Армении царствах Парфянском и Персидском⁴. Армянский историк Фавстос Бузанд (V в.) утверждал, что армянский царь Тигран II (95 – 55 гг. до н. э.) в результате военного похода в 69 г. до н. э. поселил множество иудейских пленников

из Палестины в городах Великой Армении⁵. Он же сообщает, что персы в IV в., при царе Шапуре II, «разрушили эти города, пленили их жителей, с ними вместе всю Армянскую страну и гавары. Из всех этих гаваров, краев, ущелий и стран вывели они пленных, пригнали всех в город Нахичеван, который был сосредоточием их войск. Этот город они тоже взяли и разрушили и оттуда увели 2 тысячи семейств армян и 16 тысяч семейств евреев и увели вместе с другими пленными»⁶. Именно этот регион Нахчевана (с X в. Нахичевана) совпадает с местом проживания зоков до 1989 – 1990 гг. Фавстос Бузанд перечисляет и другие армянские города, откуда персидский шах вывел армян и евреев. Так, он замечает, что персы в период с 360 по 370 гг. увели из города Арташата – 40 тыс. армянских и 9 тыс. еврейских семейств, из Ервандашат – 20 тыс. армянских и 30 тыс. еврейских семейств, из Зарехвана – 5 тыс. армянских и 8 тыс. еврейских семейств, Заришата – 10 тыс. армянских и 14 тыс. еврейских семейств, из Вана – 5 тыс. армянских и 18 тыс. еврейских семейств⁷. В свое время Я.А. Манандян писал, что «приведенные числа не имеют исторической ценности», что у Ф. Бузанда, «черпавшего свои сведения из народного предания, цифры всегда чересчур преувеличены, а иногда даже баснословны». В то же время он заметил, что «не подлежит сомнению, что евреи и сирийцы... составляли в Армении значительную часть городского населения»⁸. Исторические свидетельства о населении Нахичевана имеются в труде армянского историка XVII в. Аракеда Даврижеци «Книга историй». Он сообщает, что в самом начале XVII в., во время правления иранского шаха Аббаса I, множество семей армян были выселены из городов Армении, в том числе из крупного города Джуги и переселены на другой берег р. Аракс, в глубь Ирана, где в окрестностях Исфахана (тогдашней столицы Ирана) они основали город Нор-Джуга (Новая Джуга)⁹. В период правления иранского шаха Аббаса II в 1659 г. был издан указ, в котором «армянам, а с ними вместе и племени гебров (от библ. традиц. – иври, в англ., фр. яз. – hebrew(u), в рус. яз. – евреи) предписывалось уйти оттуда и переселиться туда, где устроились ереванцы, даштинцы и джугинцы то есть рядом с г. Нор-Джуга¹⁰. Город Нор-Джуга вскоре прославился своим богатством и торговыми связями. Но в 1722 г., воспользовавшись кризисом персидской державы, афганцы заняли столицу Персии Исфаган и разорили г. Нор-Джугу, при этом они взяли огромную контрибуцию с этого города, что вконец ослабило положение армянского населения.

РАССЕЛЕНИЕ. До 90 гг. XX века. *зоки* проживали в селах Верхний и Нижний Акулис, Аза (побережье р. Гиран), Азнаберд, Ариндж, Агри, Анапат, Бист, Бохрут, Гандзак, Гахерецик, Гочен, Дер, Диза (недалеко от Ордубада), Эджин (с конца XIX в. – Яйджи), Хурс, Месропаван, Навуш, Ордубад (или Ордвар), Рамис, Вананд, Танакерт (армяне жили до 1990 г.), Трунис (Труник), Цхна, Килит (от перс. – *ключ*, покинут

армянами в сер. XIX в.), Тотам (от араб. – *хна*, красящее средство), армяне ушли в XVIII в.).

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. ЖИЛЬЕ. Один из последних источников по этнографии зоков относится к концу XIX в.¹¹ По этому описанию, поселение зоков было «построенное на азиатский лад с кривыми узкими улицами... Дома устроены опрятнее...»¹². По словам автора, в Гохтне в XIX в. существовало три типа домов: старые армянские, более новые, построенные в персидском стиле, и новые типа европейских. Комнаты выглядели в полуперсидском – полуетропейском стиле (данные за 1896 г.). В XIX в. в крупном селении Акулис, где жили зоки, имелись «несколько церквей и упраздненных монастырей, при которых учреждались школы, где было восемь учителей и четыреста учеников». Сама церковь была больших размеров, с богатым интерьером. Купол ее, по свидетельству очевидцев, был разрисован, «как в татарских мечетях, сероватыми красками»¹³. Согласно собранным А. Е. Тер-Саркисянц в 1978 г. полевым материалам исследований в Ордубадском районе Нахичеванской АССР, в сел. Верхняя Аза были традиционные одноэтажные глинобитные дома с плоскими крышами, земляными полами, причем строительство жилищ такого типа наблюдалось еще не только в начале XX века, но и в 30 – 40-е и даже в 60-е годы. Дома строились окнами во двор, который был окружен высоким глинобитным забором. Второй тип сельского жилища был отмечен ею в сел. Цхна. Это были большие двухэтажные дома, состоящие из 3-5 комнат, с балконами по верхнему этажу, с аркообразными окнами, просторными подвалами для хранения продуктов и вина; рядом с ними сохранялись еще более старые традиционные жилища – *нацатуны* с четырьмя, нередко украшенными резьбой, столбами¹⁴.

ОДЕЖДА. Традиционная женская одежда у зоков была похожа на народный костюм карабахских армянок. В комплекс натальной одежды входили: длинная, до щиколоток, рубаха с широкими и прямыми рукавами и золотым шитьем на груди. Повседневный *архалуг* (длинное платье с вырезом на груди и застежкой на талии) облегал фигуру и складками ниспадал до колен. Длинные рукава *архалуга* по краям расшивались золотыми нитками. Поверх *архалуга* носили пояс из шелка. В холодную погоду на него надевали второй *архалуг*. Носили также муфту зеленого, бордового либо синего цвета. Края муфты украшались накладной шелковой праздничной тканью или лисьим мехом. Поверх одежды надевался *мандил* – своеобразный нагрудник из цветного материала. На ноги женщины надевали шерстяные узорчатые носки ручной работы *гульпа* и самодельные остроносые туфли *коши* красного или зеленого цвета.

Сложным знаковым кодом маркировался женский головной убор, свидетельствующий о возрасте, социальной группе и материальном положении

женщины. Головной убор варьировался также в зависимости от времени года, участия женщины в тех или иных традиционных обрядах (свадьба, похороны, рождение ребенка и т. д.). Девушки, расчесав волосы на прямой пробор, вплетали красные ленты в косы (от трех до семи), оставляя на висках несколько прядей. Сверху они надевали красный платок *елах* и завязывали его под подбородком. Девушки из богатых семей под *елах* надевали *арахчин*, с ниткой монет на лбу. Не менее сложным был головной убор у замужних женщин. Разделив волосы на прямой пробор, они также заплетали косу, и оставляли пряди на висках. Затем, на волосы надевали сначала белый платок *тчи елах*, а затем сверху еще два: *такеалтун* (длиной 72 см), который закрывал половину лба, подвязывался под горло и соединялся пуговицами с *пали* (длиной 27 см), на который мазали тесто, заворачивали и получали высокую стойкую полосу – «башенку». «Башенка», или *пали*, была высотой от 8 до 15-18 см, и свидетельствовала о статусе замужней женщины¹⁵. Между *пали* и *такеалтуном* поддевали *пали таки мор*, платок, соединяющий два прежних. Поверх всего носили платок *халца*, украшенный изображениями птиц, растений, по краям висели зеленого цвета валики. Поверх этого платка подвязывали еще один, различающийся по цвету: у молодых женщин – белый, у пожилых – зеленый. Особенным был разноцветный *кткал*, который сшивался из кусков материи (белого, зеленого, желтого и красного цвета), причем каждый отрезок был длиннее другого на 1,5 см. *Кткал* ниспадал до плеч, и многие женщины «в знак уважения» закрывали им нижнюю часть лица. Последним надевали платок из толстого материала, на котором возле висков закреплялись серебряные украшения. Замужние женщины старались снимать этот сложный головной убор тогда, когда дома не было мужчин, а также свекрови¹⁶. Чтобы носить такую специфическую прическу и головной убор, необходимо было соблюдать особые правила ухода за волосами. Волосы женщины мыли один раз в неделю мылом, потом собирали прическу за один-два часа, сооружали головной убор и ходили так всю неделю с субботы до субботы. Для укрепления и красоты волосы красили хной. В качестве духов женщины употребляли настой из роз¹⁷.

По сведениям источника XIX в., в церковь женщины ходили в «белой чадре, похожей больше на саван, чем на обычную чадру»¹⁸.

Мужская одежда у зюков состояла из нательной рубахи с длинными рукавами, застегивавшими на пуговицы, и широких штанов *тала хом*, заправленных в *гульпа*. На рубаху надевали *архалуг*, ворот которого застегивали на пуговицы и подпоясывали простой шалеовой тканью, длиной 3 м. Сверху этой одежды носили *чукай* (тип *черкески*) с откидными, свисающими с плеч рукавами, которые имели разрезы до локтя. Для красоты

концы *чукая* набрасывали на плечи. На ноги мужчины надевали *коши* и *гульпа*. Главным убором служили меховые *папахы*, иногда сшитые из дорогого «бухарского» каракуля.

БРАК. СЕМЬЯ. В традиционной культуре зоков, как и у всех народов Кавказа, большую роль играла свадьба. Свадебный обряд был хорошо разработан и во многих своих элементах сохранился до наших дней. Зоки издревле играли свадьбы по своим законам, даже когда область Гохтн находилась под властью персидского шаха. По древнему обычаю, местные армяне старались выдавать замуж своих дочерей пораньше – в 11-13 лет, чтобы те не попали в гарем. У зоков до начала XX в. сохранялся традиционный минимальный брачный возраст для девушек – 15 лет, для юношей – 20 лет. Большая разница в возрасте между женихом и невестой не приветствовалась, также старались избегать того, чтобы невеста была намного старше. Соблюдалась также территориальная и этническая эндогамия. Обычной формой заключения брака был сговор родителей предполагаемых жениха и невесты. В связи с родом своих занятий (торговля, посредничество и т. д.) мужчины подолгу находились вне дома, но традиционно возвращались в родное селение, чтобы создать семью. Часто о своей предстоящей свадьбе молодые люди узнавали из письма родителей. Когда при девушке начинали говорить о предполагаемом женихе, она должна была молча удалиться. В современной семье зоков такие строгие традиции отошли в прошлое, и молодые сами определяют себе пару. Одним из поводов для заключения браков был обычай примирения между семьями. В таких случаях обручали детей десяти – одиннадцатилетнего возраста. Практиковалось также люлечное обручение, особенно в тех семьях, где часто умирали дети: считалось, что предполагаемая судьба невесты или жениха принесет семье счастье. Редким явлением был брак похищением, и в XX в. он практически не встречался. В определенных случаях, а также из экономических соображений у зоков применялись формы левиратного и сороратного браков.

Традиционный свадебный комплекс в культуре зоков состоял из сватовства, сговора, собственно свадьбы и послесвадебного периода. Сватовство считалось важным этапом свадебного комплекса, поэтому доверялось дяде жениха, который шел в дом невесты и просил согласия на брак своего племянника с их дочерью. Обычно с ответом не принято было спешить, а когда давали согласие, то при этом угощали водкой. Следующим этапом в традиционной свадьбе был сговор. И если жених по каким-то причинам в это время отсутствовал, то обряд проходил следующим образом: приходили родители жениха и приносили невесте кольцо, воткнутое в яблоко. Роль яблока в свадебных обрядах у зоков, как и у всех армян, очень символична и связана с элементами любовной приворотной магии. Так, жених во время свадьбы дарил невесте яблоко с воткнутыми в

него сухими гвоздиками и сверху обернутое в золотую блестящую бумагу. Этот подарок женщина хранила всю жизнь.

Если жених во время сговора находился в селе, то он сам участвовал в этом обряде. К дому невесты направлялась танцующая процессия, в которой участвовали жених, его мать, крестный (*кнкавор*), который играл роль посаженного отца (*кавор*) и близкие родственники. Входя в дом, они, несмотря на любое время суток, желали «доброго утра», тем самым, отгоняя «злых духов», а затем в шутливой форме спрашивали у отца невесты, что он хотел бы получить взамен дочери, и тот отвечал тоже в шутку, например: «Сад, дом и т. д.». Жених и *кавор* стояли у дверей, ожидая приглашения к столу от матери невесты. Она их угощала, а жениху в рот клала кусочек сахара, который тот передавал *кавору*. Потом жених подходил к будущему тестю и целовал ему руку, а тот, в свою очередь, целовал его в лоб. В доме невесты жених все время молча стоял рядом с *кавором*. Через некоторое время невеста в сопровождении пожилой женщины выходила из своей комнаты и становилась напротив жениха. Присутствовавший на церемонии священник благословлял принесенное стороной жениха кольцо, после чего жених надевал его на средний палец своей невесте. Затем невеста сразу удалялась, а гости садились за накрытый стол. Мать и родственницы невесты наливали вино жениху, а тот должен был бросить в кувшин деньги, поэтому такой кувшин называли «кувшином жениха»¹⁹.

Обручение у зок, жителей Нижнего Агулиса, происходило так же церемонно, как и сговор. Родственники жениха приносили в дом невесты поднос с фруктами, сладостями, шкатулкой с 10–20 золотыми монетами и золотым кольцом. Этот поднос был обернут шелковым платком с цветами и яблоком посередине, и на нем было написано сухими гвоздиками имя невесты. В этот день сторона невесты накрывала стол и угощала гостей. На следующий день такой же поднос с подарками и яблоком с именем жениха сторона невесты посылала в его дом. Спустя несколько дней жениха с его родственниками приглашали в дом невесты, где он дарил ей золотое кольцо и украшения. Вечером жених встречался с невестой и позже всех гостей возвращался домой. С этого момента жених не имел права общаться со своей невестой, стеснялся разговаривать с будущим тестем и часто посещать их дом.

В то же время родители будущих супругов начинали поддерживать тесные отношения, часто виделись, посылали друг другу подарки *шалак*, которые состояли из фруктов, одежды и украшений. На Рождество или Пасху устраивали *пристесух* (на вост. арм. яз. – *ерес*), то есть «смотрины лица», во время которых сестра жениха с невестой шли в церковь, где их ждали родственники жениха. Они одаривали невесту золотыми и серебряными украшениями. За неделю перед свадьбой, собравшись вместе, будущие

свойственники обсуждали *харси хахарч* (выкуп за невесту), то есть вопрос о том, «сколько должен отец жениха отцу невесты». Сейчас у зоков *харси хахарч* не практикуется. Как и у остальных армян, у них полагается лишь приданое для невесты. Для того, чтобы сшить свадебное платье жениху и невесте, к каждому из них домой приходили по две женщины, приносившие с собой головку сахара, обмотанную красной и зеленой нитью, и после того, как их угощали за столом, они снимали с каждого мерки. Для того, чтобы получить плату за шитье, портнихи говорили, что «ножницы не режут».

День свадьбы выбирался особенно тщательно. По традиции зоки справляли свадьбы зимой, причем надо было подготовиться к свадьбе до среды. В последние дни перед торжеством в домах жениха и невесты собирались их близкие родственницы, чтобы смолоть муку для приготовления «свадебного хлеба». Свои действия они сопровождали пением и по завершении работы их одаривали. В эту ночь хозяйка дома готовила тесто, утром в четверг начинали печь хлеб и *гату*. В этот же день сторона жениха посылала невесте поднос с нечетным числом фруктов, сладостей и т.д., а сторона невесты, в свою очередь, посылала жениху такой же поднос, но только с четным числом угощений.

В пятницу дружки жениха, *махараши-телохранители*, шли с бычком на привязи к дому жениха, и, после того, как их угощали, они этого бычка приносили в жертву. Во время этого обряда родственницы жениха должны были петь и танцевать. Затем дружки направлялись к ближайшему родственнику жениха и назначали его *махарбашой*, то есть старшим дружкой на свадьбе. Предварительно в доме *кавора* устраивали трапезу, которую называли *хонча* (поднос). Во время *хонча* готовили специальный поднос с угощениями из фруктов, *гаты*, вареной курицы, а также обязательно клали красную рубашку и *архалуг* для жениха, а также два полотенца зеленого и красного цветов, чтобы «царь (*тагавор*) скрестил их у себя на груди». Кроме подноса с подарками, готовили свадебное дерево в виде специальной ветки *ури чух* (ветвь ивы), на которую нанизывали изюм, горох, орехи и разные плоды. В завершение *хончу* несли в дом жениха, а жена *кавора* – *каворкин*, вместе с другими женщинами, относила в дом невесты в подарок ей хну. В этот же день приглашали на свадьбу соседей и родственников²⁰.

На следующий день, в субботу, в дом жениха приглашали цирюльника, который брил поочередно всех *махаров*, затем *кавора* и жениха. Прическа жениха была особенной, так как ему на голове выстригали крест, и все присутствующие должны были его в это место поцеловать и при этом положить монетку в поставленную рядом тарелку. Затем цирюльник, собрав деньги, продолжал стрижку и оставлял жениху на лбу небольшой чуб. Во время этой процедуры была важна роль священника, который благословлял одежду жениха, надевал на него шапку, пояс и повязывал на груди крест-накрест красно-зеленую

перевязь из платков. По окончании процедуры накрывали стол с угощениями. После соблюдения всех правил, из дома жениха к невесте направлялся свадебный поезд, в котором участвовали: жених, *кавор* и *махары*, один из которых держал у себя на голове поднос со свадебным платьем невесты. Все участники свадебного поезда держали зажженные свечи и, дойдя до дома невесты, начинали петь и танцевать. Во время танца поднос со свадебным платьем передавали родственнице жениха. Встречавшая гостей мать невесты обязательно целовала жениха и давала ему кусочек сахара, яблоко или гранат, а *махарам* раздавала шелковые платки. Принимая платье, *каворкин* со стороны невесты одаривала родственницу жениха и шла готовить невесту к выходу. Во время одевания свадебного головного убора девушке отрезали прядь волос. За такие услуги крестная и помогавшие ей девушки получали денежное вознаграждение от жениха. Когда невеста была одета, то к жениху ее выводила крестная, становясь по левую сторону от нее. С левой стороны от жениха стоял *кавор*, при этом он должен был держать за край один из связанных между собой двух платков, а другой край держал жених. В таком порядке свадебное шествие направлялось в церковь. Во время венчания жених и невеста стремились тайком наступить друг другу на ногу – это делалось для того, чтобы быть главой в семье. После церковного обряда, когда свадебная процессия направлялась к дому невесты, по дороге ее встречали у своих домов родственники и соседи с *хонча*, на котором находились сладости и напитки. Полагалось, чтобы жених что-либо из этого съел, и *макары* пожелали бы здоровья и поблагодарили хозяев за угощения. В доме невесты жених садился на заранее занятое для него каким-либо мальчиком место, за что он одаривал его несколькими монетами. Рядом с женихом садился *кавор*. Женщины накрывали для них стол на полу, где гости усаживались на корточках и начинали обедать. На свадьбу обычно готовили шашлык, долму, плов. Столом управлял тамада, который провозглашал первый тост за священника, второй – за жениха с невестой и *кавора*. *Каворкин* подводила невесту к ее отцу, который в свою очередь передавал ее жениху. Невеста и жених целовали его руку, после чего процессия направлялась к дому жениха, предварительно заплатив выкуп за выход из дверей брату или младшему родственнику невесты. Существовал обычай разбивать при выходе невесты из дома вслед ей тарелку, чтобы она уже не смогла вернуться в дом своего отца. Молодых в доме жениха встречала его мать, которая осыпала невесту сладостями, а гости, танцуя, дарили невесте подарки, после чего отец жениха, *кавор* и *махарбаши* должны были дать брату невесты денежный выкуп, чтобы он разрешил войти невесте в дом жениха. Там невеста получала от матери жениха подарок и только после этого она садилась на предложенное ей место. Принято было из дома невесты приносить для нее еду. Жених и невеста не могли сидеть за общим

столом. В первую ночь свадьбы невеста спала со своей подружкой. На следующий день, обычно в воскресенье, *макары* от имени жениха забирали из дома невесты одну курицу и кувшин с вином и под музыку зурны приглашали родителей невесты к жениху на обед, называемый *хнамшаканч*. Вечером того же дня, танцуя с мечами или ножами, *макары* ощипывали курицу, а жених должен был отрубить ей голову. В эту ночь подружка невесты стелила молодым постель, а утром в знак девственности невесты показывала простыню, после чего получала от свекрови вознаграждение. В понедельник в дом молодого приходили все *макары* и для них накрывали стол. Обычно подавали *хаиш* (густой и клейкий бульон из желудка и бараньих или говяжьих ног). Молодая также выходила к столу и целовала руки у присутствовавших женщин, за что ее одаривали деньгами и украшениями. На этом свадьба кончалась. Через три-четыре дня невестка должна была вымыть ноги всем старшим членам своей новой семьи, при этом обязательно начиная с правой ноги. Обмывая ногу, она должна была поцеловать ее, за что в таз с водой ей кидали монеты. Через неделю после свадьбы совершался обряд *глухлвай* (мытье головы), во время которого невесте из дома ее родителей приносили мыло, расческу и полотенце и какая-либо из ее родственниц начинала мыть ей голову, а затем дарила украшение. Спустя несколько недель молодая женщина получала из дома своих родителей приданое *ожит* и демонстрировала его родственникам мужа. Чтобы молодая в доме могла говорить, жених делал ей подарок.

Во время рождения и крещения детей у зокков существовали особенные обряды. Бездетность у них, как и у всех армян, считалась большим горем и божьим наказанием. Если женщина не могла долго забеременеть, она шла на кладбище, где были похоронены священники, и брала с их могилы землю. С этой же целью по обычаю крали в церкви кольца. Если это помогало, то собирали милостыню и на эти деньги заказывали серебряный крестик с цепочкой, а когда ребенку уже было 3-4 года, то переплавляли его в крестик большего размера и ставили две большие свечи в церкви.

Во время беременности женщины окружающие старались исполнять все ее желания, но если прихотей, по мнению родственников, было слишком много, то они собирали из семи домов еду и, слегка ударя беременную по спине, говорили: «Кушай, насыться». Считалось, что в период внутриутробной активности ребенок перенимает черты того человека, который находится рядом с его матерью.

Во время родов приглашали повивальную бабку. Женщина рожала либо лежа, либо сидя на корточках. Чтобы облегчить роды, роженицу клали на теплый пепел и укрывали одеялом. В момент рождения ребенка повивальная бабка получала вознаграждение и завязывала пуповину. После этого пуповину зарывали в углу дома для

того, чтобы, как полагали, «ребенок был домашним и верующим». По традиции повивальная бабка исполняла обряд, отгоняющий злые силы от матери и ребенка. Для этого она насаживала луковицу на шампур и водила по стенам комнаты, а когда ее спрашивали, что она делает, она отвечала, что «рисует изображения Бога и Матери Небесной». Затем бабка оставляла этот шампур с молитвенником под подушкой у роженицы. После такого действия обычно приглашали священника, который благословлял воду и обрызгивал ею роженицу, ее постель и стены дома. Этой же водой молодая мать омывала свою грудь и начинала кормить ребенка. Женщине после родов давали выпить стакан растительного масла для того, чтобы ее «спина окрепла». До крещения ребенка его мать считалась «нечистой», поэтому ее помещали в доме в отдельную комнату, где были только ее вещи. Спустя 10–15 дней, стараясь не видеть солнца, роженица начинала вставать с постели. После сорока дней женщина вместе с родственницами шла в церковь к вечерней обедне, куда несла отварную курицу, *гату*, хлеб и вино. Священник совершал молитву о роженице, и с этого момента происходило ее очищение.

Ребенка старались крестить на седьмой день после рождения, но иногда это происходило и через год. Бабушка ребенка посылала священнику четыре яблока, кувшин вина и букет цветов, что символизировало просьбу о крещении. Купала ребенка крестная, за что она получала плату. Положив в тазик с теплой водой медную монету, чтобы отогнать злых духов, она начинала купание. Затем крестная брала на руки ребенка, а другая родственница этот тазик с водой и обе направлялись в церковь. Вместе с ними шел крестный, который приносил с собой простыню и две большие свечки. После крещения ребенка все направлялись к дому его родителей. Впереди обычно шел священник с колокольчиком. На звук этого колокольчика им открывали дверь, после чего угощали обрядовой яичницей. Считалось, что после такой трапезы ребенок не будет плаксивым. Чтобы уберечь ребенка, его окружали особенными охранительными обрядами, например, в момент посещения новорожденного не разрешалось носить золотые украшения, что могло вызвать у него желтуху. Если болезнь у него уже начиналась, то ребенка купали в тазике вместе с монетами. Для того, чтобы ребенок не умер, его отец брал его на правое плечо и вносил в дом. У зокв считалось вредным долго кормить грудью, поэтому через некоторое время мать мазала свою грудь копотью. Чтобы ребенок быстрее заговорил, его не кормили яйцом (*сравнить* – священник ест яичницу, чтобы ребенок не плакал). По этому же поводу шли в церковь и брали с собой замок, и делали так, чтобы язык ребенка прошел через петлю замка. В случае, если ребенок долго не ходил, его брали на кладбище, где находились священные камни и заставляли его три раза пролезть через особое в них отверстие. В период, когда у детей резались зубы, им давали погрызть лук и при этом

следили, какие зубы появлялись у него первыми: если это были верхние зубы, то верили, что в доме должен кто-то умереть.

ПОХОРОННАЯ ОБРЯДНОСТЬ. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ. Как и у всех народов, похоронный ритуал в культуре зоков играл важную роль, в нем участвовали все члены семьи, родственники и соседи. Старались, чтобы перед смертью умирающего причастили, повернув его головой к востоку. Перед тем, как омыть тело покойного, звали священника, чтобы тот освятил воду, после чего он должен был прочесть молитву над усопшим. Двое мужчин или женщин (в зависимости от пола умершего) приходили его омыть, для чего его тело клали на доску лицом к востоку и начинали мыть с головы. После окончания этой процедуры собравшиеся родственники покойного должны были вымыть свои руки в этой воде. Затем воду наливали в таз и оставляли на три дня, а маленький кувшин, из которого обливали покойного, обязательно разбивали, чтобы, по словам информантов, больше никто в этой семье не умер. В комнате, где находился покойник, зажигали лампаду, которая горела в течение всего времени до похорон. Священник отрезал кусок ткани и вместе с ладаном клал в рот покойнику, а в его правую руку вкладывал две свечи, которые трижды зажигал и гасил.

Похороны обычно проходили утром. Редко когда покойника не хоронили три-четыре дня, обычно все происходило на второй, реже на третий день после смерти. Взрослых покойников обязательно отпевали в церкви. Детей же сразу несли на кладбище, а если и заносили в церковь, то панихиды по ним не устраивали. Из дома покойника провожали все родственники и соседи. Согласно обычаю, хозяин дома должен был завернуть в носовой платок монеты и стать рядом с умершим. Проходящие мимо люди, выражая соболезнование, брали у него по монете и бросали в стоящую рядом с покойным тарелку, которую затем отдавали в пользу священника. Вокруг гроба собирались плакальщицы, которые исполняли традиционные песни-плачи, но на тюркском языке. Затем гроб брали четыре человека и три раза поднимали и опускали его, что символизировало прощание покойного со своим домом и домочадцами. Хозяин дома в этот момент раздавал всем присутствующим первую поминальную пищу: завернутые в *лаваш* вареное мясо или фасоль, а также вино. После этого гроб несли в церковь, а затем на кладбище. Женщинам не полагалось идти туда в это время. Прежде чем опустить тело покойного в могилу, мужчины на кладбище перекладывали тело из гроба, так как он был «общественным», и доставали из могилы положенные туда крест на крест кирку и лопату. На кладбище обязательно присутствовал священник, который, благословляя землю, вкладывал ее в руку хозяина дома, а тот должен был первым бросить ее в могилу. Хозяин дома раздавал всем по порции *лаваша* с мясом и наливал вино. Возвращаясь домой после

кладбища, гроб несли перевернутым, а палки от кирки и лопаты выбрасывали, для того, чтобы в доме больше никто не умирал. Дома их встречали женщины с кувшином воды, чтобы они вымыли руки, после чего для них накрывали на полу поминальный обед, который состоял из блюда, приготовленного из фасоли, и *бозбаша* (мясной суп) Первыми садились за стол мужчины. Во главе сидел священник, который, прочтя молитву, провозглашал тост в память всех умерших в этом роду, на этой улице, городе. Ему подавали два яблока или две айвы, он нюхал их и передавал поочередно каждому сидящему от него по правую и по левую стороны. Эти плоды, пройдя круг, возвращались к священнику; он клал их себе в карман и уходил. Затем уходили остальные сидевшие за столом мужчины. После мужчин помянуть усопшего садились женщины. Вечером того же дня в дом вновь приходил священник и читал молитвы, и так продолжалось семь дней. На второй день родственники, мужчины и женщины, а также священник вместе шли на кладбище. Окружив могилу, они у головы и ног покойника зажигали свечи, читали молитвы, а хозяин вновь раздавал поминальный лаваш с мясом, фасолью или картошкой. Дома поминальный обед продолжался. Через три дня после похорон стирали одежду покойного, а на седьмой день ее раздавали родственникам и друзьям, после чего покойного вновь поминали. Спустя три-четыре недели родственники приглашали близких друзей покойного в его дом, где для них устраивали поминальный обед. На сороковой день траур у близких родственников заканчивался, по этому поводу вновь все собирались за поминальным столом. Неофициально траур длился до года. В это время родственники часто навещали в дом покойного. На современном этапе в традиции похорон у *зоков* ничего не изменилось, кроме того, что несут сейчас на кладбище не в общественном гробу, а в индивидуальном, в котором хоронят.

По сведениям информантов, зоки праздновали многие христианские и дохристианские праздники. Но сейчас они отмечают лишь некоторые из них. Праздник *Вардавор* начинался с того, что все, поздравляя, обливали друг друга водой. Женщины, нанизав на ветку яблоки и цветы, шли в церковь, где священники обливали их освященной водой²¹. В селе зоки собирались вокруг пожилой женщины, сторожившей поднос с зеленой пшеницей и яблоками и розами – *хндум*, и начинали петь и танцевать. Затем эта женщина ставила поднос себе на голову и танцевала с ним некоторое время, пока кто-то из молодежи не сбивал *хндум* с ее головы, после чего все присутствующие бросались собирать розы и яблоки.

Праздник *Богородицы* широко праздновался в сел. Верхний Агулис. За неделю до него обычно постились, совершали паломничества в церковь Богородицы, где на рассвете несколько раз вокруг нее обходили. В Агулисе было 11 церквей, и все их священники

вместе с паствой во время этого праздника обходили крестным ходом. В этот день совершалось жертвоприношение петуха или барана, которое называлось – *шатак* (общеарм. – *матах*).

Праздник *Амбарцум* (Вознесение) в народе был связан с поверьем о том, что деревья в этот день между собой разговаривают, поэтому старались ночью не заснуть, чтобы загадать желания. Также с вечера до утра перед праздником измеряли стебель розы, и если к утру он выросстал, то верили, что загадавший будет жить долго. На *Амбарцум* многие шли на окраину селения Агулис, где находился священный камень, на котором, по убеждениям местных жителей, в этот день появлялся крест. Обязательной традицией было приготовление молочного супа – *катнов* или *танов апур*.

На новогодний праздник *Навасард* обычно готовили обрядовую *харису* (*хариса* или *ариса* представляет собой кашу из замоченной заранее крупной пшеничной крупы (*коркот*) с кусками мяса курицы, индейки или свинины, сваренной до тягучей консистенции) и вечером угощали ею всех членов семьи, подавая при этом семь видов фруктов.

¹ Патканов К. П. Исследования о диалектах армянского языка. Филологический опыт. СПб., 1869. С. 54.

² Девецкий В.И. Каникулярные поездки по Эриванской губернии и Карсской области // СМОМПК. Отд. I. Гл. VII. 1896. № 21. С. 167.

³ Там же. С. 167–171.

⁴ Еврейская энциклопедия. СПб., 1894. С. 144.

⁵ [Фавстос Бузанд.] История Армении Фавстоса Бузанда. Пер. с древнеарм. и комментарии М.А. Геворкяна. Ер., 1953. Гл. IV. С. 50.

⁶ Там же. С. 50.

⁷ Цит. соч. С. 24, 55.

⁸ Манандян Я.А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н.э. – XV в. н.э.). Ереван, 1954. С. 119.

⁹ Аракел Даврижеци. Книга историй. Пер. Л. Ханларян. М., 1973. С. 74–79.

¹⁰ Указ. соч. С. 345–372.

¹¹ *Девицкий В.И.* Каникулярные поездки по Эриванской губернии и Карсской области // СМОМПК. Отд. I. Гл. VII. 1896. № 21. С. 167–171.

¹² Там же. С. 167–171.

¹³ Указ. соч. С. 171.

¹⁴ *Тер-Саркисянц А.Е.* Армяне. М., 1998. С. 91.

¹⁵ Указ. соч. С. 104.

¹⁶ Там же. С. 104.

¹⁷ Полевой материал был почерпнут из дипломной работы, а также при непосредственном собеседовании с ее автором *Григорян Наирой* – представительницей зоков, предоставившей мне право использовать и обрабатывать данную информацию.

¹⁸ *Девицкий В.И.* Каникулярные поездки по Эриванской губернии и Карсской области // СМОМПК. Отд. I. Гл. VII. 1896. № 21. С. 171.

¹⁹ ПМА. 2000–2001.

²⁰ ПМА. 2000–2001.

²¹ *Тер-Саркисянц А.Е.* Армяне. М., 1998. С. 219.